

УДК 911.53

О ТРЕХ СТОЛПАХ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКИ: ТОПОНИМ – ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ НАЗВАНИЕ – ГЕОКОНЦЕПТ

Владимир Николаевич Калущков

д. геогр. н., профессор кафедры региональных исследований

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119192, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 31, корп. 1. v.kalutskov@yandex.ru

Рассматривается триада важнейших в географической ономастике понятий: топоним, географическое название, геоконцепт. Если топоним и географическое название можно считать традиционными для географии категориями, то геоконцепт нужно рассматривать в качестве нового теоретического представления, инициированного и разрабатываемого автором. Оно отражает качественно новую ситуацию в географии, связанную с «культурным поворотом» и информационной революцией. Под геоконцептом понимается любое значимое для определенного человеческого сообщества место, обладающее устойчивым образом. При этом концептуализация географического пространства рассматривается как проблема межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: культурная география; топоним; географическое название; геоконцепт; Закавказье; Южный Кавказ.

«Имя на карте» – древняя и одновременно современная тема. Древняя – потому что любые географические открытия всегда были связаны не только с новыми землями, но и с новыми географическими названиями. Современная – потому что старые картины мира постоянно подвергаются ревизии, при этом, учитывая информационные возможности общества, скорость таких процессов существенно возрастает.

С традиционными понятиями «топоним», «географическое название» лингвисты, топонимисты, политологи и географы работают постоянно. Однако новые научные вызовы порождают и новые ответы: геоконцепт – теоретическая категория, отражающая качественно новую ситуацию в сфере географической ономастики.

Рассмотрим с системных позиций триаду важнейших в географической ономастике понятий: «топоним» – «географическое название» – «геоконцепт».

Топоним. Многие исследователи убеждены, что топоним и географическое название – практически совпадающие понятия. Причины подобного заблуждения кроются в широком использовании в географии и картографии топонимов для обозначения географических объектов, т. е. «превращении» топонимов в географические названия. Однако замечательный географ и топонимист Э.М. Мурзаев хорошо пони-

мал различия топонима и географического названия. Именно он дал краткое и емкое определение топонима как слова на карте [Мурзаев 2001]. Из этого определения следует, что **топоним представляет материал, требующий географической «обработки».**

В последние десятилетия наибольший вклад в изучение топонимии сделала этнолингвистика, наука, которая исследует языковые и культурные смыслы топонимов, не всегда обращая внимание на их пространственное измерение [Березович 2000]. Однако некоторые группы топонимов имеют явные пространственные характеристики: это так называемые «позиционные топонимы», которые отражают позиционные центрo-периферийные отношения. Так, в севернорусской культурной традиции эти пространственные отношения реализуются обычно в таких топонимических парах, как «верх – низ» относительно истока и устья реки, «верх – низ» относительно положения на мезоформе рельефа, «перед – зад», «ближний – дальний» относительно центра номинации, предлог *за* также относительно центра номинации [Березович 2000; Калущков 2008]. Поэтому Верхние поля всегда будут расположены выше по течению реки относительно центра номинации, а Передние поля – перед «лицом» деревни. Для того чтобы выявить подобную пространственную

информацию, нужно хорошо знать региональную культурную традицию, местные диалектные особенности.

Для «географизации» топонима, для превращения его в географическое название он должен пройти две методологических процедуры.

Во-первых, топоним («слово на карте») должен быть «посажен» на географический объект, получить территориальную форму. Например, *Москва* – топоним, а *река Москва* и *город Москва* представляют собой топонимы, «обретшие» разные территориальные формы (в данном случае – городскую и речную). Географические термины, на которые «посажен» топоним (в рассматриваемом примере – это *город* и *река*), в этнолингвистике называют топоформантами. Однако понятие топоформанта не имеет пространственного или территориального наполнения; оно ориентировано на выявление регионально-диалектных различий.

Во-вторых, после «оформления» появляется возможность его картографирования, как в мелком, так и в крупном масштабе.

Итак, на основе топонима создается новая система, формула которой может быть представлена следующим образом: **«географический термин, за которым «скрывается» географический объект, + топоним»**. Например, *город Москва* (*город* + *Москва*), *река Волга* (*река* + *Волга*) и т. д.

На локальном уровне данная система состоит из местного географического термина и топонима. Примеры: *наволок Сибирь* (*наволок* + *Сибирь*), *хобот Кривой* (*хобот* + *кривой*), *Иванова новина* (*новина* + *Иван*) и т. д. Подчеркивая новое системное качество, мы предложили назвать данный феномен **топосом** [Калуцков 2004]. Топос – это тип места в определенной региональной культурной традиции. Система топосов позволяет понять структуру регионального культурного ландшафта.

В одних случаях «энергетический заряд» топонима настолько велик, что он «переходит» с одного места-топоса на соседний. В топонимике этот феномен называется метонимией. Например, *поле Шаньга*, *соседний наволок* (луг) *Шаньга*, *соседний бор* (лес) *Шаньга*, *примыкающий ручей Шаньга* и т. д.

В других случаях, если географический объект перемещается, топоним «переезжает» вместе с ним, сохраняя «память» бывшего места. Так, *город Оренбург* ныне находится в сотнях километрах от *реки Ори*.

В местных устных культурных традициях бытуют мириады топонимов и сотни топосов, зафиксированных лишь в полевых записях исследователей-гуманитариев и краеведов.

Во многих регионах России именно топосы и топонимы, отражающие языковую, хозяйственную и природную специфику региона, представляют собой важные составляющие его культурного ландшафта и регионального культурного наследия.

Географическое название. Географическое название – это название географического объекта, зафиксированное на географической карте. Фиксация на карте и четкое соотнесение с определенным географическим объектом представляют собой важнейшие требования к географическому названию, отличающие его от топонима.

Географы всегда занимались ономастическим творчеством, при этом нередко придумывая новые названия географических объектов вместо местных, существующих в устной традиции. Эти названия «закреплялись» на карте, получая официальный статус. По этой причине в некоторых районах страны деревни имеют два названия – официальное, инициированное географами или чиновниками (именно оно фигурирует в документах и нанесено на карту), и неофициальное, исторически сложившееся, которым пользуются местные жители.

Придуманные географами («настоящие» географические названия), как правило, не топонимичны; часто они «дружат» со стрелкой географического компаса. Ср.: *Север Европейской территории России*, *Южный берег Крыма* или *Северное Бутово*. Это и понятно: основная функция географического названия – ясноуказывать местоположение географического объекта на карте.

Чтение карты всегда начинается с выявления названия – имени – географического объекта. После этого географ начинает определять свойства географического объекта – его местоположение, размеры, конфигурацию и другие. Нередко географическое название, созданное на основе топонима, несет важную географическую информацию, например, позиционную, на что мы указывали выше, или содержательную информацию, к примеру *озеро Глубокое*, *луг Кочковатик*, *деревня Большое Кротово*. Однако в последнем случае нужно быть внимательным. Географическая ситуация меняется и численность населения в Большом Кротове ныне может быть меньше, чем в Малом, а деревня с ясным, казалось бы, названием *Гора* может оказаться в низине.

В целом же, в паре «географический объект – географическое название» последнее не самостоятельно. **Географическое название является заместителем и представителем географического объекта.** В физико- и экономико-

географических исследованиях все внимание сосредоточено на объекте. Важно, что география создала свою систему номинации объектов, которая либо использует уже «готовые» топонимы, либо создает новые наименования с учетом своих профессиональных требований.

Геоконцепт. Идея геоконцепта отражает новую ситуацию с «именем» в географии, ситуацию, связанную с культурным поворотом в географии, с одной стороны, и влиянием информационного общества – с другой.

Рассуждая строго, культура всегда концептуализировала топонимы для решения своих проблем. Так, в Киевской Руси для обозначения дальних земель использовался топоним *Тмутаракань*, а в Московском государстве – *Камчатка* и *Сибирь* (*Дальше Сибири не сошлют!*). Такая концептуализация осуществлялась естественным образом, постепенно, в процессе выстраивания и развития культурно-языковой картины мира.

Любой исторически сложившийся топоним представляет собой геоконцепт. Когда житель России говорит: «*Петербург*», – топонимическая ипостась или место, где находится город, интересует его меньше всего; на первый план выходят образы, связанные с городом, и смыслы, раскрывающие его место в истории и культуре страны.

Под геоконцептом понимается любое значимое для определенного человеческого сообщества место, обладающее устойчивым образом [Калуцков 2012]. Формула геоконцепта: **образ + топоним + территория**. Геоконцепты представляют собой продукт концептуализации территории, формирующийся под воздействием науки, искусства, политики, СМИ. В своей совокупности геоконцепты образуют культурно-языковую картину мира (географического пространства) определенного человеческого сообщества.

В определенных обстоятельствах возникают ситуации, которые способствуют усложнению семантической структуры геоконцепта. Как правило, это происходит «на пограничье», объединяющем разные картины мира. Можно выделить два типа подобных проблемных ситуаций, связанных с «пограничной» концептуализацией географического пространства: межкультурные и междисциплинарные. В информационном обществе масштабы и скорость таких процессов существенно возрастают. «Слово на карте» перестает быть пассивным заместителем географического объекта, превращаясь в инструмент межкультурного и междисциплинарного диалога и конкуренции, в механизм концептуализации географического пространства.

Рассмотрим межкультурные проблемные ситуации более подробно.

Одним из примеров такой ситуации является **территориальное** столкновение культурных миров (причем не важно, в масштабах небольшой деревни или целой страны), которое естественным образом провоцирует «наложение» двух геоконцептов-топонимов (и, соответственно, двух разных картин мира) на одной территории; культурная ситуация проблематизируется и возникает ситуация межкультурного диалога.

Другой тип пограничной проблемной ситуации – **временной**. Такая ситуация возникает при смене культурно-идеологических ориентиров, при стремлении создать новую картину мира (ср. геоконцепты, принадлежащие разным картинами мира: *Петербург – Ленинград* или *Закавказье – Южный Кавказ*). Как и в первом случае, возникает ситуация межкультурного диалога, а иногда конкуренции и конфликта.

Концептуализация географического пространства как проблема межкультурной коммуникации. В рамках данной проблемы возможны разные пути-механизмы геоконцептуализации. При этом возникает несколько типичных проблемных ситуаций концептуализации географического пространства.

1. Ситуация смены культурно-языковой картины мира: одна территория – несколько топонимов. Как правило, разные топонимы, относящиеся к одной и той же территории, отражают разные качественные пространственно-временные состояния территории, ее разные хронотопы. Самый яркий пример такой ситуации Петербург, который трижды сменил свое имя: *Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург*.

Для исследователей и экскурсоводов такая ситуация удобна: новый топоним отражает новые культурные смыслы. Так, для характеристики петровских времен естественен топоним *Санкт-Петербург*, блестящий образ которого создан А.С. Пушкиным и другими русскими поэтами.

Деятельность В.И. Ленина и революционные события вызывают к жизни топоним *Петроград*; кстати, именно этот топоним использует в своем произведении «Крокодил» К.И. Чуковский, несмотря на то, что Петроградом город назывался всего несколько лет.

Весь советский пласт истории города связан с топонимом *Ленинград*, и потому его военная блокада может быть только ленинградской.

С постсоветским состоянием города связан топоним *Петербург*, однако с другими, отнюдь не пушкинскими «эпитетами» – *бандитский*,

газпромовский и т. д. При этом не будем забывать, что постсоветский Петербург – огромный мегаполис – вобрал в себя все пригороды дореволюционного Санкт-Петербурга, включая загородные дворцы, многочисленные поселения и значимые исторические места. Одним из таких мест является Усть-Ижора, где произошла знаменитая битва новгородского князя Александра со шведами, в результате которой он и был назван Невским. Тем самым, новый Петербург «получил» важного символического предка-предтечу.

Сходная ситуация отмечается в случае с Волгоградом (*Царицын – Сталинград – Волгоград*), Кировом (*Хлынов – Вятка – Киров*), другими регионами и городами страны.

Рассмотренный пример с Петербургом демонстрирует, что особенности концептуализации географического – в данном случае городского – пространства могут быть обусловлены как историческими событиями и сменой топонима, так и изменением (расширением) границ географического объекта. Очевидно, что разные топонимы-концепты актуализируют определенные исторические, культурные, политические смыслы, которые, кроме прочего, ложатся в основу идеологии местных движений за «возвращение исторических названий».

Как и в рассматриваемых ниже случаях, граница между геоконцептами-топонимами представляет собой границу не только между разными состояниями городского ландшафта, но и, прежде всего, границу между разными локальными картинами мира.

2. Ситуация «мирного сосуществования» разных культурно-языковых картин мира внутри страны: одна территория – несколько топонимов. В полиэтничной стране, какой является Россия, подобные ситуации обычны. В одном и том же регионе разные сообщества формируют свои картины мира. В отношении одного и того же географического объекта на основе разных географических названий формируются геоконцепты, обладающие разными пространственными смыслами.

Приведем лишь один пример. На территории Болгарского музея-заповедника в Поволжье существует озеро, которое на русском языке называется *озеро Мочинское*, а на татарском – *Рабигакуле*. Русский геоконцепт несет на себе хозяйственные смыслы: воды озера действительно использовали для вымачивания пеньки. Татарский же геоконцепт отражает высокий с позиции мусульманина культурный статус всей территории: именно здесь в древнем Болгаре в X в. был принят ислам. Поэтому в татарском топонимическом

предании озеро описывается как дар Всевышнего, посланный женщине по имени Рабига во время хаджа для совершения ритуального омовения. Очевидны сакральные смыслы татарского геоконцепта.

Важно подчеркнуть, что данные геоконцепты существуют параллельно. Поэтому в практической деятельности музей-заповедник актуализирует разные пространственные концепты в зависимости от целевой туристической аудитории.

Данную ситуацию можно назвать ситуацией «мирного сосуществования» разных геоконцептов на одной территории.

3. Ситуация «мирного сосуществования» разных культурно-языковых картин мира на пограничной территории: одна территория – несколько топонимов. По отношению к одной и той же пограничной (или заграничной) территории обычно существуют разные географические названия культур-соседей, поскольку каждая национальная культура сформировала свою культурно-языковую картину мира, в которой топонимия занимает важное место.

В нынешней русской картине мира море к западу от Петербурга называется *Балтийским* (так оно и обозначено на российских картах), хотя новгородцы называли его *Варяжским морем*. Так же – *Балтийское море* – ныне оно называется в польском и балтийских, литовском и латышском, языках. Однако в германских языках (немецком, датском, шведском) Балтийское море – это *Восточное море*. Например, его название в немецком языке *Ostsee*, что отражает его местоположение к востоку относительно основного массива германских земель. Любопытный культурно-географический парадокс, связанный, вероятно, с воздействием шведской культуры, отмечается для финского языка, в котором море называется *Itämeri*, что означает *Восточное море*, хотя относительно Финляндии оно расположено к западу и к югу. В отличие от финского языка в эстонском языке физико-географические реалии отражаются точно: для эстонцев Балтийское море – *Западное море*.

4. Конфликтная ситуация между разными культурно-языковыми картинами мира на пограничной или заграничной территории: одна территория – несколько топонимов. В последние годы процессы «мирного сосуществования» разных геоконцептов нередко сменяются конфликтами и даже информационными войнами, в которых геополитические противники, используя и навязывая «свои» географические названия, пытаются на их основе создать геокультурно-информационный плацдарм на пограничных территориях. Постсоветское пространство пред-

ставляет собой поле подобных геополитических и геокультурных конфликтов.

Рассмотрим такой тип ситуации на примере региона, который в русской культурной и географической традиции назывался и называется *Закавказьем*. Напомним, что Кавказский регион взаимодействует с русским культурным пространством с середины XVI в., когда Большая Ногайская Орда (территория современного Ставропольского края и равнин Дагестана) и предгорная Кабарда признали себя вассалами Москвы.

За прошедшие столетия русская культура сформировала для себя пространственно выверенную систему региональных геоконцептов. Она включает в себя три основных геоконцепта-топонима: *Предкавказье – Кавказ – Закавказье*. Такой подход к номинации традиционен для русского языка и культуры и неоднократно апробирован в разных региональных и локальных геокультурных ситуациях, например *Предуралье – Урал – Зауралье* или *Предбайкалье – Байкал – Забайкалье*.

Данная геоконцептная формула отражает направление исторического движения Российского государства в регионе, для которого хребты Большого Кавказа представляли реальный физический, хозяйственный и военный барьер. Именно с горами Кавказа связаны два основных очага сопротивления в Кавказской войне – чеченский и адыгский. С позиции восприятия для представителей разных слоев русского «равнинного» общества XIX в. горы Кавказа явились «культурным шоком». Этот психолого-географический феномен хорошо описан в произведениях А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого.

Как справедливо полагает А.Н. Ямсков, в формуле *Предкавказье – Кавказ – Закавказье* именно Кавказ является **ядром**, стержнем в этой устойчивой культурно-географической конструкции. «При таком подходе не существенно, что по своей традиционной культуре народы Предкавказья (степные ногайцы и ставропольские туркмены) не относятся к собственно «кавказским народам», а природа кубанских или терских степей имеет мало общего с природой горных районов Большого Кавказа. **Главное свойство Предкавказья – то, что за ним лежит Кавказ** (выделено мной. – В.К.). Соответственно, легко провести границу между Предкавказьем и Кавказом – по подножию гор (что точно совпадает с физико-географическим рубежом), ну а северная граница Предкавказья в данном контексте не требует особой точности и потому может определяться как по политико-географическим рубежам (границам республик и краев Северного Кавказа), так и по физико-геогра-

фической границе – Кумо-Манычской впадине» [Ямсков 2013: 73]. В данном случае для проведения культурно-географических рубежей Предкавказья можно использовать известную природную границу, проходящую по Кумо-Манычской впадине (и отделяющую Европу от Азии). Тем самым в **Предкавказье** включаются равнинные и возвышенные участки Краснодарского края, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии, Чечни и Дагестана, а также небольшая часть Ростовской области, расположенная южнее Кумо-Манычской впадины.

В культурно-географическом отношении собственно к **Кавказу** (в узком смысле) как ядру всего региона относятся горные части вышеперечисленных краев и республик. Но поскольку граница между Россией и закавказскими республиками в основном проходит (и проходила в советское время) по Главному Кавказскому хребту, то она и является южной границей Кавказа как культурно-географического субрегиона.

Закавказье понимается как культурное пространство, расположенное к югу от гор Большого Кавказа, за его перевалами. В него входят три закавказские советские республики, а ныне независимые государства Азербайджан, Армения и Грузия. При проведении южной границы Закавказья (и, соответственно, всего Кавказского культурно-географического региона) важным культурным (!) маркером выступает устойчивая политическая граница между Азербайджаном, Арменией и Грузией (а ранее Российской империей или СССР), с одной стороны, и Ираном и Турцией – с другой.

Именно устойчивость этой границы и восприятие региона как целого в российском обществе способствовало формированию региональной – кавказской – идентичности. Формирование данной идентичности началось еще до революции и активно продолжалось в советское время. Некорректное выражение *лицо кавказской национальности*, бытовавшие в 1990-е гг., отчасти отражает результаты этого сложного этносоциального процесса. Ныне к кавказцам себя относят народы разных лингвистических и конфессиональных групп, включая и русских, живущих в регионе. Значит, внешний фактор породил внутренние регионообразующие процессы. По мнению некоторых специалистов, ныне этот процесс можно считать завершенным [Ямсков 2013].

Таким образом, кавказскую идентичность и устойчивую геоконцептную формулу *Предкавказье – Кавказ – Закавказье* нужно рассматривать как важные геокультурные результаты векового

русского культурного присутствия в регионе. Несмотря на новые политические реалии, такая принципиальная позиция позволяет рассматривать Кавказский культурно-географический регион как целостный, имеющий общие геоисторические и геокультурные корни. Это серьезный аргумент в преодолении целого ряда этнических конфликтов, возникших на этом пространстве после развала Советского Союза.

Другая модель пространственной организации региона предлагается некоторыми западными и закавказскими исследователями. В ее основании двухчастное членение Кавказа на *Северный* – российский – *Кавказ* и *Южный Кавказ*, представленный тремя закавказскими постсоветскими республиками. Ее подхватили и некоторые российские ученые. К примеру, такого взгляда придерживаются авторы геополитического атласа Кавказа Ж. Радвани и Н. Беручашвили [Radvani, Beroutchachvili 2009]. Интересно, что южная и северная граница региона в целом, в соответствии с данным подходом, совпадает с описанной нами выше (южная граница Кавказского региона проходит по бывшей границе СССР, а северная – по Кумо-Манычской впадине). Серьезным геополитическим и геокультурным пробелом такого подхода является явное или неявное противопоставление российского Кавказа (и России в целом) и нероссийского Кавказа. Тем самым разрушается геоисторическая и геокультурная целостность и без того измученного этническими конфликтами региона.

Еще более радикальное предложение исходит от грузинского историка Р.А. Топчишвили. Он предлагает в Южный Кавказ включить северо-восточную часть Турции, где проживает грузинское население, и северо-восточный Иран, населенный азербайджанцами [Топчишвили 2013]. В геокультурном отношении такое разделение не оправдано, поскольку полтора столетия названные субэтноты развивались по совсем другим траекториям, при этом, как указывает А.Н. Ямсков, различия между иранскими и азербайджанскими иранцами уже настолько велики, что может привести к образованию близких, но разных народов, подобно австрийцам и немцам, фламандцам и голландцам или румынам и молдаванам [Ямсков 2013]. А в геополитическом плане такое предложение за счет включения в него сильных политических акторов, Турции и Ирана, повышает уровень конфликтности региона.

Таким образом, в конфликте двух геоконцептных моделей: российской *Предкавказье* – *Кавказ* – *Закавказье* и конкурирующей *Северный Кавказ* – *Южный Кавказ* – первая обладает неоспоримыми геоисторическими, геокультурными и геополитическими преимуществами.

Некоторые выводы. Исследование и проектирование геоконцептов и геоконцептных систем представляет собой перспективное направление. Одна из сфер, которая не может обходиться без геоконцептов, – геополитика. Национальная геополитическая картина мира (особенно в пограничных ситуациях) выстраивается на системе «своих» геоконцептов, которая противопоставляется системе геоконцептов геополитического противника. Распространенная ситуация – «война» геоконцептов, принадлежащих разным культурно-языковым картинам мира, на пограничных территориях, например, *Курильские острова* России и *Северные территории* Японии, русские геоконцепты *Туркестан* и *Средняя Азия* и западный *Central Asia* и т. д.

Историческая и культурная география страны и ее регионов также должна выстраиваться на основе «своих» топонимов-геоконцептов. При этом очевидно, что в полиэтничных регионах региональных исторических и культурных географий может быть несколько.

Список литературы

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 532 с.

Калуцков В.Н. Топологическая организация традиционного культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 116–132.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

Калуцков В.Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 27–36.

Мурзаев Э.М. Слово на карте. М.: Армада-пресс, 2001. 448 с.

Топчишвили Р.А. Какую территорию охватывает Кавказ? // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 61–66.

Ямсков А.Н. О Кавказе и его границах // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 66–76.

Radvani J., Beroutchachvili N. Atlas géopolitique du Caucase. Russie, Géorgie, Arménie, Azerbaïdjan: un avenir commun possible? Paris: Éditions Autrement, 2009. 80 p.

**THREE FOUNDATIONS OF GEOGRAPHIC ONOMASTICS:
TOPONYM – PLACE NAME – GEOCONCEPT**

Vladimir N. Kalutskov
Professor of Area Studies Department
Lomonosov Moscow State University

The article considered critical in the geographical triad onomastics concepts: toponym, place-name, geoconcept. If the toponym and the place-name can be considered traditional for geography categories the geoconcept represents a new theoretical idea, initiated and developed by the author. It reflects a qualitatively new situation in the geography associated with the cultural turn and the information revolution. The conceptualization of geographical space is regarded as a problem of intercultural communication.

Key words: cultural geography; toponym; place-name; geoconcept; Zakavkazje; South Caucasus.